

Таким образом, протоколы заседаний секций Института истории РАНИОН содержат разнообразный фактический материал, который следует широко вводить в научный оборот.

Т.В. Куш (Екатеринбург)

Проблема раннесредневекового города в оценке М.Я. Сюзюмова

М.Я. Сюзюмов получил мировое признание, прежде всего, как специалист по истории Византии и основатель уральской школы византиноведения. Однако научные интересы провинциального ученого не ограничивались лишь областью византийских штудий. В исследовательское поле М.Я. Сюзюмова попадала и медиевистика в силу его стремления к концептуальному осмыслению исторических процессов. Широкий взгляд на историческое развитие, присущий этому ученому, давал ему неограниченные возможности для компаративных исследований и апробации новых подходов. Но если в среде византинистов его мнение имело авторитетный вес еще при жизни, то мир отечественной медиевистики отказывал и отказывает его идеям в признании.

Почему М.Я. Сюзюмов вступил не «на свое поле», осмысливая многие спорные проблемы развития европейской цивилизации, выходявшие за пределы его научной специализации? С одной стороны, для ученого не было проблем, по которым у него не было бы своего мнения. Живой интерес к широкому кругу тем, связанных со средневековой историей, выдавали в нем человека, во всем пытающегося дойти до самой сути. С другой стороны, его страстная любовь к спору толкала его к обсуждению нерешенных вопросов в науке. Он, эрудит и энциклопедист, всегда был жадно увлечен обсуждением дискуссионных вопросов. В духе античных мыслителей он твердо был убежден, что только в жарком споре и может родиться истина. Кроме того, стремление к широким обобщениям и концептуальным решениям было одним из тех научных методов, которым руководствовался исследователь. Независимость мышления, оригинальность высказанных идей М.Я. Сюзюмова шли порой в разрез с устоявшимся мнением, формализованным и канонизированным в советской исторической науке. В связи с этим хотелось бы вспомнить высказывание А.П. Каждана, который написал об этой стороне творческой биографии М.Я. Сюзюмова: он «всегда «плыл» против течения исторических исследований в СССР». Наиболее ярко эта особенность уральского ученого проявилась в ходе дискуссии о проблеме средневекового города, которая развернулась в советской науке в 60-е гг. XX в.

В 1966 г. в Москве состоялась научная сессия «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе», на которой М.Я. Сюзюмов выступил с докладом, касавшемся проблем средневекового города. В своем докладе ученый высказал две основные идеи, которые подверглись резкой критике со стороны медиевистов. Первая идея была напрямую связана с его более общей концептуальной мыслью о том, что европейскую цивилизацию следует выводить из позднееримских начал. В данном вопросе М.Я. Сюзюмов придерживался, по его собственному заключению, «генетического метода». В этой позиции он был единственным романистом в отечественной науке. В медиевистике же, идеализировавшей варварский строй, признавалась выдающаяся роль варваров в становлении средневековой Европы. В противовес принятой точке зрения М.Я. Сюзюмов видел в варварах разрушительную силу. С этих же позиций он рассматривал и проблему возникновения средневекового города, выводя его из позднееримского полиса. На широком круге примеров ученый доказывал «экономический континуитет», про-

слеживая позднеримское влияние на ремесло, товарное обращение и денежную систему в раннесредневековый период, констатировал преемственность институтов городского управления, отмечал трансляцию античной культуры через епископат. Согласно его точке зрения, города Центральной и Северо-Восточной Европы, не испытавшие прямого влияния Римской империи, «восприняли и развили культурное наследие древности» посредством заимствования тех институтов и норм, которые сложились во Франкском государстве на основе континуитета позднеримских традиций. Его концепция подверглась резким нападкам со стороны большинства специалистов по средневековой истории. Этот вопрос в отечественной медиевистике не подлежал даже обсуждению, в то время как М.Я. Сюзюмов настаивал на дискуссии. В письме к А.Д. Люблинской, отправленном вскоре после окончания сессии, М.Я. Сюзюмов писал по этому поводу: «Я думаю, что в настоящее время спор романистов и германистов должен перейти в новую фазу, не открешиваясь от этого спора».

Вторая идея, высказанная в докладе, касалась многофункциональности раннесредневекового города. Официальная историография, с одной стороны, не признавала существование города в раннесредневековый период, с другой, считала отличительной особенностью средневекового города преобладание у города одной – торгово-ремесленной – функции. М.Я. Сюзюмов высказал иную точку зрения, полагая, что город возник как центр концентрации лиц непроизводственных профессий. Говоря о происхождении города как института, он назвал следующие причины урбанизма: развитие производительных сил, обособление непроизводственных профессий, оформление идеологии, скреплявшей новые производственные отношения. И если в первом пункте (который он не стал развивать) он не расходился с официальной концепцией, опиравшейся на марксистскую теорию отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства как базисную в процессе рождения средневекового города, то две другие причины вступали в противоречие с общепринятым мнением. Для М.Я. Сюзюмова именно выделение непроизводственных профессий являлось главным в процессе становления города и оформлении его полифункциональности. Он отмечал два пути обособления лиц, не связанных непосредственно с производством: образование военных центров и формирование центров религиозного культа. Сбор дани или культовых подношений обеспечивал прибавочным продуктом лиц непроизводственных профессий, и «составлял основы экономики города на ранних ступенях его истории» до возникновения товарного производства. Поэтому и формирование слоя ремесленников М.Я. Сюзюмов связывал с появлением обширной клиентуры.

Эти идеи уральского ученого подверглись остракизму в силу их несоответствия общепризнанной в то время теории происхождения города. Его обвиняли в том, что он игнорировал проблему отделения ремесла от сельского хозяйства, не связывал возникновение города с формированием феодализма, рассматривал город как неизменный субстрат и продолжение античного полиса, который «вошел в средневековье в готовом виде». М.Я. Сюзюмова обвиняли в методологических ошибках, изобличая его теорию континуитета как «противоречащую диалектическому подходу к истории» и близкую к реакционной буржуазной историографии.

После этой сессии для большинства медиевистов он превратился в *persona non grata*. На его письма столичные коллеги не отвечали либо немногословно и надменно отвергали его концепцию. По замечанию ученого, «после выступления против господствующей школы самобытного перепрыгивания в феодализм от родоплеменного общества против меня начинает действовать аракатеевский режим». Его мысли продолжали игнорироваться в медиевистике, несмотря на то, что многие идеи, высказанные М.Я. Сюзюмовым на научной сессии и не нашедшие

тогда поддержки, в дальнейшем получили в науке развитие и заслужили признание в научных кругах, правда, без ссылок на уральского ученого.

В.Я. Мауль (Нижевартовск)

Аксиомы историописания или историк в борьбе за свое ремесло

Современное состояние отечественной историографии позволяет отметить некоторые тенденции, создающие ее познавательный облик и акцентирующие потенциальные перспективы. Рядом с клишированными аксиомами все активнее заявляют о себе теоретико-методологические новации, играющие роль катализаторов научных изысканий. Многие из них актуализируются на российской «почве» под влиянием эпистемологического опыта зарубежного историописания, но интерпретированного с учетом местных научных традиций.

Процессы антропологизации истории, характерные для последних десятилетий, в содержательном плане восходят к тому пониманию предмета науки, которое предложил еще Марк Блок: История – наука о людях во времени, в которой изучение мертвых надо связывать с изучением живых. Поэтому, утверждал исследователь, настоящий историк «похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечевой, там, он знает, его ждет добыча».

В таком контексте очевидно, что история – не только «сухие» даты, термины, названия и имена, являющиеся в действительности не более чем ее скелетом. Без него, само собой, история не мыслима. Но и ставить здесь знак равенства нет никакой необходимости. История – это живой, развивающийся процесс со-зидания человеком своей социальности, перманентный пытливый поиск ответа на вопрос о смысле исторического, о природе самого человека, о сущности и смысле его существования. Поиск, в котором субъект исторического познания с неизбежностью занимает активную позицию, формирует свой исследовательский дискурс.

В свое время В.О. Ключевский, критикуя научную ортодоксальность, резюмировал ее результат: «В истории мы узнаем больше фактов и меньше понимаем смысл явлений». И это неудивительно, т.к. «науку часто смешивают с знанием. Это грубое недоразумение, – полагал ученый. – Наука есть не только знание, но и сознание, т.е. умение пользоваться знанием как следует».

Но если восприятие истории в значительной степени зависит от познавательного дискурса, совершенно естественно, что в ней нет, и не может быть по определению раз и навсегда данных положений, «истины в конечной инстанции». История, в хорошем смысле слова, это игра ума, способность воспроизводить в своем сознании опыт прошлого. Данные обстоятельства, очевидные для историка, активизируют поиск им новой познавательной призм, позволяющей получить сколько-нибудь адекватное знание о прошлом.

Коль скоро имманентной задачей исторической науки является борьба за умы людей, не стоит удивляться тому, что профессиональные служители Клио оперативно отреагировали на возникший сегодня в обществе «спрос на сослагательность». Классическая формула – «если какое-то событие произошло, то оно и должно было произойти» – уже не может считаться историографической аксиомой. Потому и устоявшееся клише – «история не знает сослагательного наклонения» – сегодня благополучно утрачивает актуальность. В связи с интеллектуальными запросами читающей публики реанимируются исследовательские практики альтернативной истории, озвученные двумя прекрасными эссе А.Дж. Тойнби.

Насущной задачей становится анализ неосуществившихся вариантов истории. Сослагательное наклонение – «это попытка представить, как развивались бы